

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кому из нас не знаком образ матроса революции? Широкоплечий красавец в бушлате, перепоясанном пулеметными лентами, с маузером на боку и в лихо сдвинутой на затылок бескозырке. Влияние матросов на все виды деятельности в России в эпоху революции 1917 года и в последующей Гражданской войне было поистине всеобъемлющим. Именно они явились локомотивом двух революций, именно они были в авангарде всех сражений Гражданской, дрались на море и на суше, карали врагов в застенках ВЧК, анархиствовали и бесчинствовали и, в конце концов, не убоялись замахнуть в Кронштадтском мятеже на всем им обязанную большевистскую власть. Романтический ореол и своенравность, презрение к смерти и склонность к анархии, верность идеалам свободы и готовность за них умереть, все это, разумеется, вызывало искреннее восхищение этими санюлотами русской революции у одних и столь же жгучую ненависть у других. Но равнодушных не было...

Историк А.Киличенков пишет: «Матросы, будучи в большинстве своем рослыми, хорошо физически развитыми, в броской и непривычной форме на фоне серой и невзрачной солдатской массы производили яркое и запоминающееся впечатление. Кроме того, традиционная нехватка на кораблях винтовок и револьверов породила у матросов почти детскую

тягу к обвешиванию оружием. С чисто практической точки зрения обвязывание себя пулеметными лентами, ношение за поясом гранат и нескольких револьверов было весьма неудобным и небезопасным. Однако на людей штатских увешанная револьверами и бомбами «гвардия Октября» производила неотразимое впечатление. Большевики часто поручали матросам различные акции по «наведению порядка». Один лишь вид балтийцев действовал на слабонервных интеллигентов устрашающе...»

Да и в реальности большинство матросов были ребятами отчаянными, не боявшимися ни Бога, ни черта. Вот один лишь пример. Газета «Бурят-монгольская правда» за 1927 год приводит откровения одного из белогвардейских офицеров: «Матросы те, как дьяволы. Повели мы троих вешать. Один, как папиросу курил, так и в петлю с папироской полез. Другого подняли, он висит и ногами, представляете, дрыгает. А третий стоит и на второго смеется: «Видно, – говорит, – не нравится ему ваша кадетская качеля». И это признание самых отъявленных врагов! Что же тогда говорить обо всех остальных!»

Разумеется, что вне всеобъемлющего матросского влияния не осталась и отечественная литература. С первых дней Февральской революции 1917 года прозаики и поэты буквально наперегонки бросились сочинять вирши в честь новых хозяев страны. В этом деле поэты явно оставили позади прозаиков, ибо матросы книг особо не читали, зато на бесконечных митингах с удовольствием слушали стихи в свою честь. Именно поэтому авторы старались читать свои сочинения сами. Помимо всего прочего удачные «проматросские» стихи гарантировали, как определенные материальные блага в виде продпайков, так и лояльность самих матросов, которые ве-

Матросы гражданской войны

ликодушно вычеркивали «революционных поэтов» из расстрельных списков. По этой причине матросскую тему в революционной поэзии практически не обошел стороной никто из более-менее известных российских поэтов того времени.

Разумеется, неслучайно, что в этом неофициальном соревновании российских литераторов в своей «любви» к революционным матросам дальше всех зашли именно классики отечественной поэзии начала XX века. Это прежде всего знаменитый Александр Блок, который первым довел восхваление матросов до высот дотоле небывалых. При этом Блок четко отделил матросов революции от их заурядных предшественников. В одном из ранних стихотворений Блока матросы – это всего лишь фон морской романтики:

Ты помнишь? В нашей бухте
сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас...

Прошли годы, и те же матросы в восприятии Блока стали выглядеть уже не столь романтично. Более того, Блок даже не скрывает презрительной жалости к ним. Так в стихотворении «Поздней осенью из гавани» он явил читателям образ совсем иного матроса – горького пьяницы, оставшего от ушедшего в море корабля и замерзшего по пьянке в сугробе.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно – больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном
саване
Сладко ль спать тебе, матрос?

Александр Блок

Но пришли иные времена, а вместе с ними изменилось и отношение А.Блока к матросам. Известно, что Александр Блок и Февральскую и Октябрьскую революцию встретил восторженно. Искренне это было или нет, нам неизвестно. В 1918 году Блок пишет поэму «Двенадцать», где матросы-большевики уже фактически уподобились... христианам-мессианцам.

Что же касается его давнего, замерзшего по пьянке в сугробе матроса, то тот, как выяснилось девять лет спустя, был просто «замордован царским режимом». Теперь же, в условиях революции, пьяный матрос со столь же пьяными красногвардейцами в одно мгновение становится для поэта мессией, неким высшим существом, посланным небом для исправления человечества. В финале блоковской поэмы, как мы помним, совершенно неожиданно появляется Христос, ведущий за собой не слишком трезвых красногвардейцев. Образ более чем неожиданный.

Как и следовало ожидать, столь смелая метафоричность Блока оказалась слишком сложна для публики. Тогдашний революционный читатель, в целом восторженно принимая «Двенадцать», испытывал серьезные затруднения, наталкиваясь в финале поэмы на образ Христа, совершенно

чуждый – в общепринятом значении – духу эпохи. Упоминание о Христе, да еще идущем «впереди» безбожников-красногвардейцев, многим казалось странным и неуместным. А потому «Двенадцать» в агитбригадах лихо переделывали на свой лад и вместо последних слов: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос» под бешеные аплодисменты матросской аудитории читали: «В белом венчике из роз впереди идет матрос!» Понять чтецов можно, ведь до христианского блоковского иносказания никому не было никакого дела, а вот шествующий впереди революционно-бандитского патруля с маузером на боку матрос, пусть даже и в святом венце, был всем понятен.

Что же касается самих матросов, те были в восторге от столь высокой оценки их революционной деятельности. Кстати, впоследствии при публикации поэмы «Двенадцать» и советские цензоры, уже по иным мотивам, также вымарывали Христа из последней строфы, вписывая вместо него все того же обожествленного матроса.

Историки литературы А.Меньшутин и А.Синявский в своем труде «Поэзия первых лет революции» пишут: «Известно, что современники Блока, не зная «куда девать» Христа в «Двенадцати», иногда прибегали к наивной хитрости и пытались как-то «исправить» или «подновить» текст поэмы. Некоторые чтецы, выступавшие с «Двенадцатью» перед массовой аудиторией, заменяли последнюю рифму на «более подходящую» и впереди красногвардейского отряда выпускали «матроса», что, конечно, их слушателям было ближе и понятнее. Но нельзя не заметить, насколько проигрывает поэма Блока при подобной (казалось бы, такой незначительной) замене. «Впереди идет матрос» – такое «исправление» помимо всего прочего снимает нарастающий к финалу обобщенно-символический план поэмы, сообщает ей сугубо «местный» колорит, обытовляя и, таким образом, нарушая ее «всемирное» звучание».

Писатель Н.Коняев, глубоко исследовавший дневниковые записи А.Блока, считал, что герои его поэмы революционные матросы – «двенадцать Апостолов ещё неведомого Слова». Ну, а что думал по этому поводу сам автор? «Я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами», – говорил Блок в период создания «Двенадцати». Ну уж если сам автор считает красногвардейцев ангелами, то почему бы и матросу не предстать в образе Христа? По крайней мере, это вполне укладывается в логическую схему самого А.Блока. Да и позднейшими исследователями поэмы был собран большой материал, позволяющий со всей определенностью говорить о том, что образ Христа в трактовке А.Блока весьма далек от церковного понимания и во многих отношениях ему противоположен. От традиционного Христа здесь осталась лишь идея «святости», «высшей правоты» и «человечности», тогда как целый ряд канонических представлений, связанных с этим именем (например, идея примирения и всепрощения), был отброшен А.Блоком или резко переосмыслен. Поэтому блоковский Христос, не являясь, по сути, настоящим Христом, в реальности весьма близок к своей подмене – матросу.

Таким образом, хотя никакой матрос в «Двенадцати» в авторском тексте не фигурирует, как архетипически, так и согласно авторской логике, он там вполне на месте и посему вполне может претендовать на роль революционного Христа.

Подобострастность А.Блока перед матросской братвой не осталась незамеченной его коллегами по литературному цеху. В том же 1919 году Зинаида Гиппиус, возмущенная позицией Блока, обратила к нему язвительные строки:

Впереди 12-ти не шел Христос:
Так сказали мне сами хамы.
Но зато в Кронштадте пьяный
матрос
Танцевал польку с Прекрасной
Дамой.

В ответ на это разобиженный Блок заступился за своих героев-матросов эпиграммой:

...И что Вам, умной, за охота...
В них видеть только шантрапу?

Эдуард Багрицкий в 1922 году, в связи с первой годовщиной со дня смерти поэта, в стихотворении «Александру Блоку» вспомнил и обыграл именно тему Христа-матроса. По Багрицкому, мертвого А.Блока на том свете сопровождают тени рожденных им матросов-мессий. Но, рожденные Блоком, матросские мессии не благодарны своему создателю, а, наоборот, с лютой ненавистью мешают ему спускаться в «ночную тьму». А где-то наверху, в дневном просторе, последователи этих мессий уже всюю вершат зло из своих винтовок-трехлинеек:

...Какие тени в подворотне
 темной
Вослед тебе глядят в ночную
 тьму?
С какую ненавистью неумной
Они мешают шагу твоему.

О, широта матросского простора,
Там чайки и рыбачьи паруса,
Там корифеем пушечным
 «Аврора»
Выводит трехлинеек голоса...

Споры о том, насколько этично поступил Блок, обожествив революционную братву, не утихали и в советское время. Из критической статьи: «В советское время подчеркивалось, что поэт принимает революцию, поставив впереди двенадцати революционеров (двенадцати апостолов) Иисуса Христа: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Кстати, некоторые противники «религиозного дурмана» считали неуместным, снижающим революционный пафос поэмы появление Христа во главе двенадцати. Они предлагали другой вариант последней строки: «Впереди идет матрос», не заботясь о том, что с

Эдуард Багрицкий

матросом не совсем совместим белый венчик из роз. Но если придерживаться реальности, что вовсе не входило в замысел Блока, оправдывавшего революцию высшим из возможных оправданий – именем Христа, матрос и в самом деле был бы более уместен впереди героев поэмы. Ведь они тесно связаны с разбойной, уголовной стихией, с кровью, грабежами («на спину надо б бубновый туз»; «запирайте этажи, нынче будут грабежи»).

В связи с проблемой «Христос–Матрос» уместно привести и следующие соображения комментаторов поэмы «Двенадцать»: «Петька и Катька до появления «буржуя» Ваньки составляют пару, к которой приложимо суждение Блока о матросе и проститутке: «Матрос и проститутка были, есть и будут неразрывной классической парой, вроде Арлекина и Коломбины <...> Мы <...> знаем, что матрос с проституткой нечто совершенно иное, чем буржуй с той же самой проституткой, что в этой комбинации может не быть тени какой бы то ни было грязи; что в ней может быть даже нечто очень высокое». Ну что тут сказать? Если уж матрос уподоблен Христу, то почему бы и проститутке не стать матросской Марией Магдалиной?

Отметился перед матросской аудиторией забытым ныне стихотворением «Матрос в Москве» и Борис Пастернак. Критики единодушно считают это стихотворение весьма слабым. Но автор вовсе не претендовал на изысканность и стиль, главным было иное – вовремя засвидетельствовать свою лояльность матросам и тем самым обезопасить себя от их произвола. Надо признать, что Пастернак с этой задачей справился вполне. В том, что стихотворение «Матрос в Москве» конъюнктурное и написано на потребу публике, сходятся практически все критики.

Своего «Матроса» Пастернак сочинил, по одним данным, зимой 1917/1918 года, по другим – зимой 1918/19 года. Официально оно датировано 1919 годом. С чтением этого «шедевра» Пастернак неоднократно выступал перед матросской аудиторией, опубликовал же его лишь в конце 1921 года, включив в раздел «Эпические мотивы» своей книги «Поверх барьеров». Таким образом, если для Блока матросы являлись мессиями, то для Пастернака они эпические герои.

Борис Пастернак

Суть весьма пространный стихотворения Пастернака проста и незамысловата – это лицемерие автором ветреным зимним вечером на московской улице пьяного революционного матроса, который шатается у парапета и попытается проблеваться в Москву-реку.

Я увидел его, лишь только
С прудов зиме
Мигнул каток шестом флагштока
И сник во тьме.
Был чист каток, и шест был шаток,
И у перил,
У растарашенных рогаток,
Он закурил.
Был юн матрос, а ветер юрок:
Напал и сгрел,
И вырвал, и задул окуроч,
И ткнул в сугроб.
Как ночь, сукно на нем сидело,
Как вольный дух
Шатавшихся, как он, без дела
Ноябрьских мух.
.....
Был ветер пьян и обдал дрожью:
С вина буян.
Взглянул матрос (матрос был тоже,
Как ветер, пьян).
Угольный дом напомнил чем-то
Плавучий дом:
За шапкой, вея, дыбил ленты
Морской фантом.
.....
Матрос взлетал и ник, колышим,
Смешав в одно
Морскую низость с самым высшим,
С звездами – дно.
Как зверски рывкать надо клетке
Такой грудной!
Но недоразуменья редки
У них с волной.
Со стеньг, с гирлянды поднебесий,
Почти с планет
Горланит пене, перевесясь:
«Сегодня нет!»
.....

В стихотворении Пастернака пьяны все – и матрос, и ветер, и ноябрьские мухи, и даже воображаемый корабль. И если на протяжении всего текста, речь идет лишь об одном матросе, то в конце стихотворения ша-

таются и свисают с парашюта уже не один, а множество революционных матросов.

Казалось бы, сами матросы на такую поэзию могли бы обидеться. Но ничего подобного не произошло. Стихотворение Пастернака было встречено братвой с пониманием. Дело в том, что умением пить и не блевать братва весьма гордилась, а потому считала, что Пастернак прав, коль описывает салагу, который не умеет профессионально «брать на грудь». Но это матросы, а вот, к примеру, что увидел в пьяном и блюющем с парашюта пастернаковском матросе критик: «Желая представить своего героя типовым воплощением немногословной простонародной мужественности, Пастернак рисует его в характерной мужской – самодостаточной и несколько угрюмой, если не вызывающей, позе – руки в карманах, что, однако, выглядит странно в мастерской, где этим рукам следовало бы быть занятым делом... Матрос... является и своего рода апофатичным поэтом, alter ego своего автора...»

Думаю, если бы этот критик поведал матросам об их апофатичности и alter ego, они без лишних слов просто уложили бы его из маузера у того же парашюта.

О том, какой рисовалась Пастернаку матросская составляющая революции поздней осенью 1918 года, можно судить по обстоятельствам его встречи с Ларисой Рейснер. Неподалеку от Сивцева Вражка располагалась казарма революционных матросов. Пастернак бродил по улицам с приятелем поэтом Дмитрием Петровским, увидел матросскую толпу и в толпе женщину. Его это поразило, он подошел познакомиться и узнал, что перед ним та самая знаменитая Лариса Рейснер, чью статью о Рильке он незадолго до революции читал. Оба принялись читать друг другу наизусть Рильке, к полному удивлению матросов.

Сам Б.Пастернак так вспоминал о ситуации, в которой он написал своего «Матроса в Москве»: «Огром-

Лариса Рейснер

ные сугробы лежали на улицах. <...> Жизнь в Москве неистово полыхала. На нашей улице <...> была тогда одна из казарм революционных матросов. Приятель <...> попросил проводить его до того дома. <...> Я пошел, чтобы взглянуть в переменчивое лицо революции. Странно – среди матросов была женщина. <...> Это была Лариса Рейснер. <...> За несколько месяцев до того она напечатала <...> статью о Рильке. <...> С улицы в помещение, где мы сидели, куда приходили и откуда выходили матросы, пробивался гомон революции, а мы сидели и читали друг другу наизусть стихи Рильке».

Поэт есть поэт, тем более такой большой, как Пастернак! В его воображении все сливается воедино: и красавица Лариса Рейснер среди московских сугробов, и окружающие ее пьяные матросы, и даже Рильке. К тому же Пастернак вообще был равнодушен к Рейснер, впоследствии сделав ее прообразом главной героини романа «Доктор Живаго».

Однако в реалии, видимо, не все бывшие в тот момент на московской улице матросы разделяли восторги

Пастернака по поводу статьи о Рильке, а потому самым натуралистическим образом пьяно блевали в московские воды, что особенно запомнилось поэту и что он незамедлительно воспел в своем стихотворении.

Что касается Владимира Маяковского, то он, как известно, любил выступать перед революционными матросами. Матросы тоже любили послушать стихи, причем в первую очередь о себе. Для этого часть из них иногда посещала знаменитое столичное «Кафе поэтов»: «Кафе полно матросов... Все стоят. С эстрады кремлевским колоколом бьет декламация Маяковского. И то, что, затаив дыхание, блестя глазами и одерживая сопение носов, вращивают в себя глыбы слов, и то, что взрывы аплодисментов переходят в восторженный гул земляных легионов, приветствующих трибуна, — это так непохоже на прежнее и поражает достигнутой возможностью сплавить аудиторию с поэтом в грозное целое» («Творчество». — Владивосток. 1920. № 5).

Кстати, выступать перед матросами поэтам было на самом деле небезопасно. Следовало четко улавливать настроение братвы и знать чувство меры. Документально известен случай с т.н. «поэтессой-беспредметницей» Ниной Хабиас (Н.Оболенской), прозванной коллегами за похабные стихи «Графиной

Похабиас». На одном из литературных вечеров Хабиас, решив перещеголять всех конкурентов, призвала присутствовавших матросов к массовой однополой «революционной» любви. Не поняв поэтических новаций Хабиас, разъяренные матросы решили ее тут же расстрелять. Спасло Хабиас просто чудо. Пока матросы решали, где лучше кончать «беспредметницу», прямо на сцене или на улице, ей удалось сбежать...

Об истинной роли матросов в революции и о своем отношении к ним В.Маяковский весьма откровенно написал в стихотворении «Ода революции»:

...«Слава».

Хрипит в предсмертном рейсе.

Визг сирен придушенно тонок.

Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,

туда,
где забытый
мяукал котенок.

А после!

Пьяной толпой орала.

Ус залихватский закручен в форсе.

Прикладами гонишь седых
адмиралов
вниз головой

с моста в Гельсингфорсе.

Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.

Тебе обывательское

– о, будь ты проклята трижды! –
и мое,

поэтово,

– о, четырежды славься,
благословенная!

Владимир Маяковский

В.Маяковского буквально умиляет сентиментальная легенда о том, как на полузатопленном линкоре «Слава» команда забыла котенка и матросы якобы не поленились за ним вернуться. Вот они какие добрые – матросы революции! Но в следующей строфе Маяковский восторженно описывает массовое зверское убийство этими же матросами стариков-адмиралов, которых скопом избивают прикладами и сбрасывают с моста. Почему Мая-

ковский противопоставляет эти два события? Да потому, что в его логической цепи революционные матросы по своей сути – отчаянные добряки и любители животных, но при этом непримиримы ко всему, что мешает революции. Матросская логика проста: котенок революции не мешает, а потому должен жить, адмиралы революции мешают, а потому жить не должны. При этом Маяковского такое кровавое развитие событий нисколько не пугает, он действительно верит в то, что только через океаны пролитой крови мир станет другим, более справедливым и свободным. Автор утверждает, что именно для этого и надо истреблять «седых адмиралов» как живые символы прошлой жизни, которым не место в новом обществе, надо истреблять всех, кто не согласен не только с большевистскими идеями, но и со взглядами на революцию самих матросов.

По такой же схеме, как и «Ода революции» Маяковского, строится сюжет стихотворения «Делегаты» В.Севастьянова.

Рвал балтийский ветер
Ленточки балтийских моряков
Делегаты шли на съезд Советов,
И блестели острия штыков.

За руки вели они мальчишку.
У причала боцман подобрал.
Знали, что зовут мальчишку
Гришкой.
Где отец мальчишка сам не знал.

Далее по сюжету: на съезде матросы увидят В.И.Ленина и, еще больше проникнувшись ответственностью за судьбу революции, сразу же отправятся беспощадно расправляться с ее врагами. В данном случае перед нами фактический перифраз темы противопоставления добрых–злых матросов Маяковским в его «Оде», с той лишь разницей, что у Маяковского матросы спасли котенка, а у В.Севастьянова подобрали мальчишку-беспризорника.

Любопытно, что в своем понимании маринистики В.Маяковский

прошел примерно тот же путь, что и А.Блок. Если Блок начинал свою морскую тему со стихотворения «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...», то В.Маяковский в ранней лирике отметил стихотворением «Порт».

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках
входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

Критики считают, что поэт в данном стихотворении «очеловечил реальный мир», что его произведение «поражает сочетанием несоединимых в традиционном плане образных рядов, и это производит сильнейшее впечатление». Все это так, но в стихотворении нет главного – людей. Маяковского не интересуют люди-матросы, он оперирует куда более общими понятиями. Чтобы «опуститься» до матросского уровня, ему надо было пережить революцию, позабыть о «похоти медных труб» и «серьгах якорей» и вспомнить о тех, кто драил эти самые «медные трубы» и «серьги якорей». Впоследствии, годы спустя, В.Маяковский совместит пароходы и людей в единое целое в своем знаменитом стихотворении «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Разумеется, особое место во всей матросской революционной поэзии занимает «Левый марш (матросам)» В.Маяковского, написанный в декабре 1918 года. 17 декабря 1918 года в Петрограде В.Маяковский впервые прочитал «Левый марш» в матросском театре бывшего Гвардейского экипажа, собравшимся там матросам. Стихотворение было написано специально для данного выступления, чем и объясняется его подзаголовочное посвящение «Матросам».

Продолжение следует

Владимир Шигин

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Революционную поэзию вообще невозможно представить без «Левого марша». Это не просто стихотворение, посвященное матросам. Это зарифмованная программа деятельности матросских масс. Маяковский не только восхищен деятельностью братвы, ее достижениями на ниве революции, он задает ей определенный вектор движения – крутой поворот влево. При этом поэт оговаривает, что любое поползновение к смене курса вправо должно быстро и твердо пресекаться. Рифма, ритм, художественные средства языка подчинены общей идее Маяковского – осознать напряженность момента. Как обычно, речь Маяковского образна и лаконична. Прошло время митингов, настал момент действовать. Это подчеркивается не только лексикой произведения, но и всем строем предложений. Они короткие, с обилием глаголов, подчеркивающих ритм стиха. При этом Маяковскому мастерски удалось в небольшом по объему стихотворении создать напряженную картину революционного времени и матросов, живущих и действующих в ту непростую эпоху. Форма стихотворения соответствует поэтическому темпераменту и стилю поэта. Четкость и направление матросского шага подчеркивается рефреном – *Левой! Левой! Левой!*

Читателю сразу понятно, что идут не просто матросы, а уверенные в своей правоте и силе революционеры. Они смогут повергнуть самых сильных врагов, отстаять свое право на то, чтобы революция становилась все более левой. Матросам некогда оглядываться назад, им надо убивать врагов, не сбиваясь с намеченного пути и ритма. Знаменитые строки «Левого марша», обращенные к революционным матросам, приобретали в тех условиях и явный эстетический смысл, звучали как слова команды, раскатывающейся по всему художественному фронту,

как обращение к коллегам-поэтам: «Левой! Левой!..»

Следует понимать, что к моменту написания стихотворения, заданный Маяковским вектор движения матросов в революции уже совершенно не соответствовал декларируемой большевиками политической программе их партии. Совершенно очевидно, что Маяковский прекрасно понимал разницу этих векторов. К концу 1918 года интересы и взгляды и большевиков, и матросов с каждым днем все более и более расходились: одни поворачивали влево, а остальные продолжали двигаться прямо, а временами и вправо. Симпатии и выбор В.Маяковского совершенно очевидны – он с матросами. Но и это не все. Маяковский как современник матросов просто не мог не понимать, что левый матросский вектор движения ведет к еще большим социальным потрясениям, к еще большей крови. И все же он буквально закликает матросов идти только влево, не обращая ни на кого внимания, ибо революцию спасут только радикально левые взгляды.

Об истории создания стихотворения сам В.Маяковский вспоминал так: «Мне позвонили из бывшего Гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихи, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы, а тут только объединил адресованные к матросам». Обратим внимание на главное слово в воспоминаниях В.Маяковского – матросы «потребовали», и он тут же помчался исполнять их желание, ибо послушаться приказавших поэт просто не посмел. В слове «потребовали» вся суть ситуации. Матросам захотелось послушать стихи в свою честь. Они свистнули понравившемуся им поэту, и тот, не чуя ног, кинулся исполнять их требование. Осуждать Маяковского за это «чего изволите», однако, не стоит. Таковы были законы того времени, и поэт

* Начало см. в № 3 «Морского Сборника» за 2017 год

просто не посмел ослушаться приказа революционной братвы. Кроме того, за понравившееся выступление матросы, как мы уже говорили, обычно расплачивались продуктами, что было тогда так же нелишне. При этом Маяковский не только откровенно подыгрывал матросам, но и фактически провоцировал их на размежевание с большевиками. А ведь Маяковский не мог не знать, что именно в те дни Ленин и ЦК большевистской партии были серьезно озабочены борьбой с излишне кардинальными левацкими взглядами как в рядах партии, так и в рядах матросов, которые все больше разочаровывались в большевиках, перебегая в ряды левых эсеров и анархистов. Именно в это время Ленин пишет статьи о негативности левизны в коммунизме, об искоренении партизанщины, излишней кровожадности и беззакония. Ленин осуждал именно то, к чему так пафосно и яростно призывал Маяковский. Заметим, что если стихи В.Маяковского матросы восприняли с восторгом, то ленинское одергивание им было не по душе. Они сами знали, что и как делать для торжества мировой революции. И Маяковский, прекрасно понимая настроение матросской массы, бросает в нее свои лозунги-строфы:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним,
Левой!

Левый марш

Левой!
Левой!
Эй, синеглазые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздывает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами горя
солнечный край непечатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой, –
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем паяться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Странно, что почему-то никто из критиков так и не придал должного значения еще одной весьма важной строчке из стихотворения. «Разворачивайтесь в марше!» – призывает матросов Маяковский. Сразу вопрос: о каком именно марше идет речь и почему надо разворачиваться? Коль стихотворение написано в 1918 году, значит, матросы

уже идут маршем туда, куда им указали большевики. И вдруг Маяковский дает им команду разворачиваться, причем не постепенно, а сразу, резко, прямо на марше, и идти уже другим путем. Каким именно, понятно – левым, а это значит идти единым маршем уже не с большевиками, а с левыми эсерами и анархистами, т.е. с самыми левацкими партиями того времени.

Историки литературы А.Меньшутин и А.Синявский в своем труде «Поэзия первых лет революции» пишут: «Начнем с того, что лозунги, казалось бы, формально тождественные «Разворачивайтесь в марше!» и «Революционный держите шаг!» звучат неодинаково уже потому, что в одном случае, у Маяковского, это произнесено вполне ясно и определенно самим поэтом, а в другом, у Блока, – устами красногвардейцев. За этой на первый взгляд маловажной деталью следуют расхождения более существенные: Блок вводит «музыку революции» в свой стих, Маяковский делает из своего стиха «музыку революции». Поэма «Двенадцать» написана с позиций восторженного восприятия событий, стихи Маяковского – с позиций прямого участия в них (матросов)».

В целом стихотворение «Левый марш» является ярким примером агитационной поэзии того времени. Каждая строчка произведения – это призыв к действию. Автор напрямую заявляет о том, что настоящие революционные матросы должны не болтать, а убивать. «Ваше слово, товарищ маузер», — заявляет Маяковский, ну а «слово» у маузера, как известно, весьма короткое. В.Маяковский призывает матросов убивать «товарищем маузером» не только внешних, но и внутренних врагов: «Кто там шагает правой?» Всякий, кто шагает не в ногу с матросами, – это враг, которого следует уничтожить. Шагать надо только так, как шагают матросы революции: левой, левой, левой...

Именно матросы, и никто иной, должны, по мысли Маяковского, «печатать шаг», чтобы как можно скорее закрепить «у мира на горле пролетариата пальцы». Таким образом, ма-

тросы у Маяковского являются главной силой революции, остальные пролетарии всего лишь инертная масса под их предводительством. Отметим, что о роли большевиков, чтобы не раздражать матросов, Маяковский в своем стихотворении даже не упоминает. Более того, между строк он фактически призывает матросов к неповиновению большевикам, так как именно матросы, а не большевики определяют вектор дальнейшего развития революции. Насколько Маяковский в данном случае был искренен в этих своих призывах, нам неизвестно.

Любопытно, что десять лет спустя, в 1928 году, в заказном детском стихотворении, перечисляя будущие престижные профессии для детей, Маяковский определяет, что лучшей из лучших является профессия матроса. Не моряка вообще, а именно матроса! В этом, мне думается, проявилось прошлое восприятие поэтом революционной матросской среды, которая давала возможность сделать самую фантастическую карьеру в стране Советов:

Летчику хорошо,
а матросу –
лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.

**Матрос и милая. 1921 г.
Худ. Б.Кустодиев**

У меня на шапке лента,
на матроске
якоря...

Стихи о матросской шапке с лентами и якорями – это ностальгия Маяковского по тому времени, когда он был в матросской гуще и даже в определенной мере определял политическую программу матросских масс. В революции и в матросах В.Маяковский видел спасение не только своей поэзии, но, возможно, и самой своей жизни. Так, ряд литературных критиков считает, что Маяковский уже к 1918 году не отличался душевным здоровьем и что если бы не революция, показавшаяся ему осуществлением авангардистской утопии, он бы покончил с собой куда раньше 1930 года.

Впрочем, в 1918 году левацкую позицию и матросов, и В.Маяковского разделяли далеко не все. Партия большевиков и лично В.И.Ленин к этому времени уже активно выступали против политики «левизны в коммунизме», а значит, и против «левой матросской линии», которой так восхищался В.Маяковский. Поэтому у партии власти возникла потребность в стихах, в которых бы матросы шли не своим «левым путем», а тем путем, который указывает им В.И.Ленин. Именно этому политическому заказу соответствует стихотворение 1918 года «Красный кормчий (Владимиру Ильичу Ленину)» поэта Ильи Ионова:

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке броневой
Стоит и держит путь свой
звездный
Мятежный, гордый рулевой...

Здесь Ленин – капитан революционного броненосца, под началом которого, соответственно, находятся и революционные матросы.

Еще дальше поэт И.Ионова пошел поэт Николай Клюев, также объединивший революционную и морскую темы:

Я построил воздушный корабль...
Мой корабль – буревающие стихи.

Только с паруса Ленина лик
С укоризной на Смольный
глядит...

Здесь Ленин уже уподоблен святому, чей лик запечатлен на парусе воздушного корабля революции. Есть в четверостишии и некая недосказанность – укоризненный взгляд святого на Смольный, которую каждый волен понимать по-своему: то ли революционеры из Смольного, и в том числе матросы, недостаточно революционны, то ли, наоборот, они излишне рьяны.

Что касается Валерия Брюсова, то он в том же 1918 году проповедовал отличное и от В.Маяковского, и от И.Ионова с Н.Клюевым. Если у Маяковского вершители революции – это левацки настроенные матросы, а у И.Ионова (и отчасти у Н.Клюева) – это В.И.Ленин, то Брюсов декларирует стихийность революции, уподобив ее сметающей все на своем пути морской буре, которая никому и ничему не подвластна – ни матросам, ни большевикам. В этой буре не может победить даже самый опытный капитан, будь он на «ничтожной шлюпке» или на «огромном дредноуте»:

Революция – буря. Она
Над океаном
Летит ураганом,
Разметая воды до дна,
И горе
Судам,
Застигнутым в море!
Там
Огромный дредноут и ничтожная
шлюпка
Одинаково хрупки,
Там
Для тысяч раскрыты могилы,
Там никто
Не предвидит судьбы: все –
слепые!
Что
Наши ничтожные силы
Пред волей стихии!
Революция – буря...

И В.Брюсову, и В.Маяковскому, изломанным поэтам Серебряного века, импонировал революционный излом, ломающий весь старый мир, сметающий на своем пути всех и все.

КАЮТ-КОМПАНИЯ МАРИНИСТОВ

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Стихотворение Д.Бедного «Красный Флот» откровенно слабое и явно заказное. Но он так всегда на заказ и писал, «жуя огрызок папиросы». Отметились стихами о революционных матросах и другие поэты. Так, поэт Владимир Кириллов написал в 1918 г. стихотворение «Матросам»:

Герои, скитальцы морей,
альбатросы,
Застольные гости
громовых пиров,
Орлиное племя, матросы,
матросы,
Вам песнь огневая
рубиновых слов.

Вы солнце, вы свежесть
стихии соленой,
Вы вольные ветры,
вы рокоты бурь,
В речах ваших звоны,
морские циклоны,
Во взорах безбрежность,
морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь
и обиды
И знамя борьбы поднимали
не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный
сказ.

Д.Бедный

Как бурные волны, вы грозно
вливались
Во дни революций на Невский
гранит,
И кровью орлиной не раз
омывались
Проспекты, панели асфальтовых
плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в
бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской
встречи:
Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали,
титаны,
На страже коммуны, на страже
свобод,
У врат лучезарных, где вязью
багряной
Сверкает бессмертный
Семнадцатый год.

* Начало см. в № 3 «Морского Сборника» за 2017 г.

Герои, скитальцы морей,
альбатросы,
Застольные гости громовых
пиров,
Орлиное племя, матросы,
матросы,
Вам песня поэта, вам слава
веков.

Если стихотворение «Левый марш» В.Маяковского – это программа действий для матросов, то стихотворение В.Кириллова – самый настоящий гимн революционной братве. Скажем прямо, что более патетически о матросах той эпохи никто так и не написал. Это вам не слащавое блоковское охристосивание и не пастернаковская философская заумь. Это опозитизирование знаменитых слов Льва Троцкого, о том, что матросы есть «краса и гордость революции»! Надо ли говорить, что стихотворение В.Кириллова пришлось братве по душе особо. Само же выражение «альбатросы революции» применительно к матросам и вовсе стало нарицательным.

Весьма показательны в этом смысле автобиографические записки В.Кириллова: «Будучи секретарем районного комитета партии боль-

Матрос Железняк

шевиков, я вставал до рассвета и в метельной мгле спешил в райком, обдумывая по дороге своего «Железного Мессию», «Матросов», «Мы» и другие стихи. «Железного Мессию» я представил воочию шагающим над громадами фабричных корпусов «в сиянии солнц электрических» и, возвратившись домой ночью, а иногда оставшись на ночь в комитете, писал стихи». Кириллов напрямую не отождествляет своего «Мессию» с матросом, но матросская тема все равно прорывается, ибо его мессия явно пересекает бездны морей, струя «очистительный пламень»:

Вот он шагает чрез бездны морей
Стальной, непреклонно
стремительный.
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Поэт И.Садофьев в стихотворении «Радость», написанном в июле 1918 г., рисует картину демонстрации, идущей по Невскому проспекту. Первыми, разумеется, идут революционные матросы. У них особая поступь, особые взгляды и особые лица. Народ ликует, видя своих кумиров. Что же касается самого автора, то он воспринимает матросов как святых, испытывая к ним благоговение и трепет, после чего вообще внезапно исчезает как личность, растворяясь в душах и сердцах революционных матросов. Перед нами уже не просто поклонение перед матросским культом силы, а самый настоящий религиозный экстаз:

Торжественно проходят первыми
матросы...
Строго-величавы поступь,
взгляды, лица...
Кто-то им семейку забудок
бросил,
Нищая старушка радостно
слезится.

Безотчетно счастливый, весь
благоговение,
Обнажаю голову, слитность
постигаю:

Вс.Вишневецкий

Я, Они – Единство... Общее
сцепление...
Это Я, под музыку, с Ними,
в Них шагаю...

Если у В.Кириллова представлен собирательный образ единого матроса – Мессии, то у И.Садофьева Мессия каждый из матросов, ни больше ни меньше...

Не могла обойтись матросская революционная поэтика и без традиционного сюжета о гибели молодого матроса-героя и рыдающей одинокой старушки матери. Жалостливые стихи о погибшем матросе и ждущей его бедной матери всегда трогали душу моряков. Вспомним хотя бы знаменитую песню о кочегаре:

...Напрасно старушка ждет сына
домой,
Ей скажут – она зарыдает,
А волны бегут от винта за кормой
И след их вдали пропадает...

Данный сюжет традиционен как для морской поэзии всех времен, так и для поэзии блатной, с той лишь разницей, что в последнем случае главным героем является обычно молодой красавец вор. В данной тематике, но с революционным оттенком, отметился поэт Н.Клюев, написавший в 1918 г. стихотворение-песню «Матрос»:

Грохочет Балтийское море,
И, пенясь в расщелинах скал,
Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,
О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.

Снесите родной деревушке
Посмертный, рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына — поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит?

По сравнению с кирилловскими «альбатросами» клюевский замученный юный матрос получился скорее трагическим, чем героическим, а потому и оказался менее востребованным слушателями в бушлатах. Писатель Всеволод Вишневецкий, сам выходец из среды революционных братишек, писал о поэзии, воспевавшей матросов революции: «Новые темы приносили с собою в поэзию люди, поднявшиеся к революционному действию из самых глубоких народных пластов. Никогда, в частности, не были так активны в области литературного творчества матросы. Появление после Февральской революции 1917 г. флотских журналов и газет («Волна» и др.) сразу дало возможность широко печататься де-

сяткам революционных литераторов-самоучек с флота. Журналы и газеты того времени полны воинственных, по большей части романтических стихотворений, рассказов, призывов. Двухвековой гнет, пытки, бесправие, казни — все слетело, как вырванный паром фланец, и наружу с ревом хлестал поток энергии и мести... Писали тогда всюду, куда только ни забрасывала борьба» (Вс.Вишневский. О литературной группе Балтфлота// Красный Балтийский флот. 1933. 17 августа).

Своеобразным переходным стихотворением от романтики анархистствующей братвы к трудовым будням стойких защитников интересов партии большевиков, является стихотворение известного поэта Михаила Светлова «Пирушка», написанное в 1927 г. В ней красочно описана основательная пьянка матросов-чекистов. Суть стихотворения такова: герои ЧК устали от расстрелов врагов революции и поэтому имеют полное право расслабиться. Да, сегодня они крепко пьянствуют, но завтра, протрезвев, снова будут яростно защищать завоевания Октября:

Пробивается в тучах
Зимы седина,
Опрокинутся скоро
На землю снега, —
Хорошо нам сидеть
За бутылкой вина
И закусывать
Мирным куском пирога.

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони

Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.

Льется полночь в окно,
Льется песня с вином,
И, десятую рюмку
Беря на прицел,
О веселой теплушке,
О пути боевом
Заместитель заведующего
Запел.

Он чуть-чуть захмелел —
Командир в пиджаке:
Потолком, подоконником
Тучи плывут,
Не чернила, а кровь
Запеклась на штыке,
Пулемет застучал —
Боевой «ундервуд»...

Не уздечка звенит
По бокам мундштука,
Не осколки снарядов
По стеклам стучат, —
Это пьют,
Ударяя бокал о бокал,
За здоровье комдива
Комбриг и комбат...

.....
Ну, а ты мне расскажешь,
Товарищ комбриг,
Как гремела «Аврора»
По царским дверям
И ночной Петроград,
Как пылающий бриг,
Проносился с Колумбом
По русским степям...

М.Светлов лишь немного приоткрыл дверь в быт матросской революционной вольницы, но не более того. Более откровенно отзываться о недостатках матросов, а тем более матросов-чекистов, было небезопасно.

Продолжение следует

В.Шигин

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Особое место в революционной матросской поэзии занимает стихотворение Максимилиана Волошина «Матрос» (из цикла «Личины»), написанное им 19 июня 1919 года. Бытие, как известно, определяет сознание. Может, именно поэтому стихотворение Волошина откровенно диссонирует со всеми остальными панегириками в адрес матросов революции. Дело в том, что подавляющее большинство поэтов, восторженно писавших о революционных матросах, жили на территории, контролируемой Советской властью, или же писали свои стихи уже после победы Советской власти в Гражданской войне. С Волошиным ситуация совершенно иная. Своего «Матроса» он написал в белогвардейском Крыму, а потому ему не надо было ни в чем притворяться, наоборот, именно такой образ матроса и был востребован тогдашней Крымской властью:

Широколиц, скуласт, угрюм,
Голос осиплый, тяжкодум,
В кармане — браунинг и напилко,
Взгляд мутный, злой, как у дворняг,
Фуражка с лентою «Варяг»,
Сдвинутая на затылок.
Татуированный дракон
Под синей форменной рубашкой,
Браслеты, в перстне кабошон,
И красный бант с алмазной пряжкой.
При Керенском, как прочий флот,
Он был правительству оплот,
И Баткин был его оратор,
Его герой — Колчак. Когда ж
Весь черноморский экипаж
Сорвал приезжий агитатор,
Он стал большевиком, и сам
На мушку брал да ставил к стенке,
Топил, устраивал застенки,
Ходил к кавказским берегам
С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
Ругал царя, грозил Алисе;
Входя на миноноске в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как? Буржуи ваши живы?»
Устроить был всегда непрочь

Варфоломеевскую ночь,
Громил дома, ища поживы,
Грабил награбленное, пил,
Швыряя керенки без счета,
И вместе с Саблиным топил
Последние остатки флота.

Так целый год прошел в бреду.
Теперь, вернувшись в Севастополь,
Он носит красную звезду
И, глядя вдаль на пыльный тополь,
На Инкерманский известняк,
На мертвый флот, на красный флаг,
На илистые водоросли
Судов, лежащих на боку,
Угрюмо цедит земляку:
«Возьмем Париж... весь мир... а после
Передадимся Колчаку».

В стихотворении М.Волошина нет никаких метафор и иносказаний. Он рисует портрет с натуры и показывает революционного матроса таким, каким видел его в Крыму в годы Гражданской войны. Надо ли говорить, что

Максимилиан Волошин

* Начало см. в № 3 «Морского Сборника» за 2017 г.

переживший несколько массовых казней, устроенных черноморскими матросами, Волошин являет нам образ полупьяного («взгляд мутный») патентованного убийцы и садиста («на мушку брал да ставил к стенке, топил, устраивал застенки»). Не случайно же у матроса в кармане наряду с браунингом имеется и бандитский заточенный напильник! Помимо этого волошинский матрос предстает еще и омерзительным мародером («громил дома, ища поживы, грабил награбленное...»). А чего стоят «браслеты, в перстне кабшон и красный бант с алмазной пряжкой»!

При этом в данном описании нет никакой аллегии! Все это Волошин видел собственными глазами.

Обвешанные золотом и прочими побрякушками матросы были тогда скорее нормой, чем исключением. Из воспоминаний генерал-лейтенанта М.Д.Бонч-Бруевича о матросском отряде Павла Дыбенко в 1918 году под Нарвой: «Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия; достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами...» Что перламутровые пуговицы на клешах, что красный бант с алмазной пряжкой – стиль везде един, и это стиль мародера-анархиста.

При этом М.Волошин прекрасно понимает, что его матрос вовсе не идентичен Советской власти и не является ее олицетворением. Он сам по себе. А потому, получив все, что только желал, и став начальником «с красной звездой», матрос уже мечтает о том, как бы снова переметнуться к Колчаку, чтобы продолжить столь полюбившуюся ему бузу.

В антологии революционной морской поэзии совершенным особняком стоит и «революционное стихотворение» Николая Тихонова «Баллада о гвоздях». В советское время не было такого школьника, который не знал бы этого стихотворения из школьной программы, и в особенности знаменитого заключительного двустишия:

Николай Тихонов

Гвозди бы делать из этих людей:
Крепче бы не было в мире гвоздей...

«Баллада о гвоздях» традиционно считалась и до сегодняшнего дня считается едва ли не самым революционным морским стихотворением, «стихотворением о революционном долге». Именно они (моряки революции) якобы и есть те самые «гвозди», крепче которых в мире ничего не существует. Но так ли это? При внимательном прочтении баллады возникает много вопросов, ответы на которые никак не укладываются в революционную схему. На самом деле текст баллады более чем странен. Итак, вспомним его еще раз:

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс – ост.

У кого жена, брат –
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

Что делать, Э.Багрицкий провел всю Гражданскую войну в Одессе, которая постоянно переходила из рук в руки. Может, именно поэтому его матрос при всей его грозности, огромности достаточно двусмыслен. Такой образ могли одобрить и красные, и белые, и махновцы. На мой взгляд, стихотворение Э.Багрицкого – это сочинение на заданную тему, но выполненное предельно осторожно, без осуждений, но и без славословий, этакое чтиво на любой вкус. Уверен, живи он в годы Гражданской войны в Петрограде, его матрос летал бы в своей святости на уровне облаков.

Заметим, что если М.Волошин открыто выступил против «революционной матросни», если Н.Тихонов и отчасти Э.Багрицкий укрылись за некими только им понятными метафорами, то И.Эренбург, решивший, как и все остальные, написать о матросах, просто не сориентировался в ситуации, сложившейся в 1918 году в России. Дело в том, что в 1918 году И.Эренбург вернулся в Россию после долгого отсутствия и, как говорится, «не въехал в тему». В том же 1918 году Эренбург издал книгу «Молитва о России», которая во многом перекликалась со стихами М.Волошина и поэтому вызвала заметный общественный резонанс в «красном Питере», по большей части негативный. Позднее Эренбург, как мог, отрекся от своих стихотворных произведений той поры. Но что было, то было! А тогда В.Маяковский, критически отнесшийся к эренбургской стряпне, ядовито отметил, что автор книги «из великих битв Российской Революции» разглядел только то, что вызвало в нем животный ужас:

Уж матросы взбегали по лестницам:
«Сучьи дети! Всех перебьем!»

Помимо официальной поэтики в годы революции и Гражданской войны была популярна и народная матросская революционная поэзия. Это были прежде всего куплеты-частушки, которые можно было петь под гар-

мошку. Вот типичный образчик такой матросской частушки:

Ходят волны по реке
Белыми барашками.
Переполнен Петроград
Матросскими рубашками.

А матрос плевать хотел
На партию кадетскую.
С кем угодно в бой пойду
За страну Советскую.

Не за веру и царя
Воевать охочи мы –
За матросскую за волю,
За крестьян с рабочими...

Ведя разговор о революционной матросской поэтике, нельзя обойти вниманием и популярнейшую тогда в России, а у матросов в особенности, песню «Яблочко». Со временем «Яблочко» стало своеобразным матросским гимном, дожившим до сегодняшнего дня, хотя и переродившимся со временем из матросской песни в матросский танец. И сегодня без традиционного танца «Яблочко» не обходится ни один концерт флотских ансамблей песни и пляски. В годы революции и Гражданской войны существовало несметное количество куплетов на мотив «Яблочка». Их пели и красные, и белые, и разные прочие. Вот лишь несколько примеров.

Белогвардейский вариант «Яблочка»:

Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу мы кормить
Коммунистами.

Пароход идет,
Волны кольцами.
Будем рыбу мы кормить
Комсомольцами.

Эх ты, яблочко,
Укатился.
А у Ленина власть
Провалилась!

А вот «Яблочко» во внепартийном революционном варианте:

Эх, яблочко,
Да ты хрустальное.
Революция
Социальная!

Эх, яблочко,
Наливается.
Пролетарии всех стран
Соединяются.

Эх, яблочко,
Сбоку дырочки.
Не дожидаться вам, попы,
Учредилочки!

Вот откровенно бандитское:

Подходи ко мне, буржуй,
Глазик выколю!
Глазик выколю,
Другой останется,
Чтоб знал, дерьмо,
Кому кланяться!

Было и махновское «Яблочко»:

Эх, яблочко,
Да соку спелого,
Слева красного бей,
Справа белого!

Имел место и чисто обывательский
«всебяющийся» вариант:

Эх, яблочко,
Куда ж ты котишься?
В Губчека попадешь,
Не воротишься!

Разумеется, существовало и собственное матросское «Яблочко»:

Я на Волге делов
Понаделаю:
Не забудет матроса
Сволочь белая.

Эх, яблочко,
Да ты румяное.
В расход выводить
Белых стану я.

Что самое интересное, были куплеты, в которых сами матросы утверждали, что они не отождествляют себя с большевиками:

Эх, яблочко,
Цвета красного.
Пойду за сокола,
Пойду за ясного!

Не за Ленина,
Не за Троцкого,
А за матросика
Краснофлотского!

Отчаянный Кронштадтский мятеж балтийских матросов в феврале-марте 1921 года стал кровавым финалом революционной матросской вольницы. Явив себя самостоятельной политической силой в феврале 1917 года в Кронштадте, ровно через четыре года матросы были уничтожены в том же Кронштадте. Если учесть, что еще до Кронштадтских событий 1921 года наиболее пассионарная часть революционных матросов сгорела в пекле Гражданской войны, то в феврале 1921 года там были уничтожены лишь последние активисты некогда всеильной «матросской партии». Практически сразу же после Кронштадтского мятежа в апреле 1921 года на X съезде РКП(б) было принято решение о «возрождении и укреплении Красного военного флота». «Укрепление флота» предусматривало прежде всего изгнание старых матросов. Тех, кто сопротивлялся, отправили на Соловки, остальных просто разогнали по деревням, где бывшие «альбатросы революции» уже не представляли никакой опасности для власти. Время отчаянных клешников с маузерами и револьверами кануло в вечность. На флот вернули некоторое количество моряков-коммунистов, полностью порвавших со своим вольным прошлым.

Кронштадтский мятеж

А после V съезда РКСМ, объявившего о том, что комсомол берет шефство над РККФ, на флот прибыли почти 10 тысяч молодых комсомольских активистов, с которых начался уже совсем иной флот, абсолютно преданный партии большевиков и совершенно чуждый старым матросским революционным традициям. Столь стремительная метаморфоза, конечно же, не осталась вне внимания советских поэтов. Вот как высказался о революционных матросах в 1921 году (разумеется, после Кронштадтского мятежа) в стихотворении «Иван-Мор» матросский поэт Николай Корнев:

Пол-аршинный носит клеш
И твердит всегда: «Даешь!»
А работать для него –
Хуже нету ничего.
Он с утра до ночи спит,
Ночью к бабе он спешит.

Н.Корнев, будучи сам балтийским матросом, несомненно, знал, о чем писал. Его матрос времен Кронштадтского мятежа ничем не похож не только на гордо шествующего в революцию матроса-Христа, но и на отчаянно блюющего в Москву-реку пастернаковского бунтаря в бушлате. Но ведь перед нами все тот же матрос, только уже получивший все, что он хотел от революции, а потому тупо паразитирующий на своих былых заслугах. При этом желания бывшего революционера в тельняшке не распространяются далее полуаршинного клеша, беспробудного пьянства и подружки-марухи, а также возможности присваивать все, что хочется («Даешь!»). А ведь еще совсем недавно (до Кронштадтского мятежа!) поэт Ф.Богородский совсем по-иному трактовал образ того же клешника «Иван-Мора»:

Фуражка вломана в затылок,
И шпалер всунут в брюки клеш.
Какая дьявольская сила
В девизе пламенном «Даешь!»

Ту же тему именно тогда же развивал и поэт Александр Прокофьев:

...Встань, великое время,
Девятнадцатый год!
Бескозырка, тельняшка,
Брюки клеш, брюки клеш,
Парабеллум да фляжка,
Клич иль окрик «Даешь!»

Если в революцию полуаршинный матросский клеш являлся символом свободы и нового мира, а призыв «Даешь!» обладал пламенной «дьявольской силой», пугающей врагов революции, то спустя всего несколько лет все тот же клеш и тот же клич в одночасье становятся символами откровенного бандитизма. Теперь следовало славить исключительно дисциплинированных и преданных Советской власти моряков, особенно только что пришедших на флот молодых комсомольцев. Камертоном новой темы стал поэт Александр Безыменский с программным стихотворением «Космофлотский марш». Уже в названии А.Безыменский попытался (хотя и весьма неуклюже) объединить в одно неразрывное понятие «краснофлотец» и «комсомолец», которое так и не прижилось на флоте.

Низвергнута ночь. Поднимается
солнце
Над морем рабочих голов.
Вперед, краснофлотцы, вперед,
комсомольцы.
На вахту грядущих веков!

Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам
развеем
Мы алое знамя труда.

Призыв А.Безыменского к матросам «Вперед же по солнечным реям!» стал своеобразным девизом (слоганом) матросов-комсомольцев 20-х годов.

Продолжение следует

В.Шигин

ПОЭЗИЯ МАТРОССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Отметился матросской темой и такой известный поэт, как Алексей Сурков, прошедший в 1919 году концентрационный эстонский лагерь. Несколько лет спустя он написал посвященное матросам стихотворение «Смерть минера Синицы»:

Гудит над баракком ржавая жель.
Собаки воют в тревоге.
Холодным потом покрылись уже
Большие солдатские ноги.

Сосед умирает.
Косматый пожар
Ему перед смертью снится.

...На ощупь спускается с верхних нар
Кронштадтский минер Синица.

.....
Вёрсты стремглав
Под откос летят.
Память уйти не хочет.
В черном бушлате
Входит Кронштадт
В сырость октябрьской ночи.

.....
Первым снарядом
Сбит семафор.
Первая цепь ложится...
На бронепоезде
«Красный террор»
Место твое, Синица!

Подлое прошлое
Надо карать
Бешено и упрямо.
Мы не сгинем,
Мы выживем, брат,
В этой постылой яме.

Он гладит рукой
По липким кудрям.
Он шепчет в холодное ухо:
– Черненко, годок!
Отдаешь якоря?
Встаешь на прикол, братуха?
Да что ж это?!

Сонно бормочет река
На старых мельничных плитах.

В последний поход снаряжает
брatка
Кронштадтский минер Синица.

Уже в 1939 году А.Сурков снова возвращается к матросской теме в стихотворении «Отряд идет в атаку». Теперь его матрос мстит врагам за своих погибших братков-годков и, даже погибая, призывает к победе:

Всех пулеметов кривотолки
В свинцовый жгут атака вьет.
Матрос-балтиец на двуколке
Над смертью «Яблочко» поет.

На белый снег по кромке клеша
Густая кровь стекает вниз.
А ну-ка, мальчик мой Алеша!
Вперед, в штыки, за коммунизм!

Если кронштадтский минер Синица в раннем стихотворении А.Суркова никаких лозунгов ни за какую власть не высказывает, а просто, как может, выживает в концлагере, то герой более позднего стихотворения перед смертью картинно призывает умирать даже не за социализм, а за неведомый никому толком коммунизм.

Не был равнодушен к матросам и знаменитый поэт Сергей Михалков. Кто из детей, выросших в Советском Союзе, не знал этих строк:

...Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу...
Рабочий тащит пулемет.
Сейчас он вступит в бой.

.....
Несут отряды и полки
Полотна кумача,
И впереди – большевики,
Гвардейцы Ильича.

Кстати, любовь к морякам проявилась у С.Михалкова и позднее, когда главным героем его знаменитого детского стихотворения «Дядя Степа» был бывший матрос-балтиец Степан

* Окончание. Начало см. в № 3–6 «Морского Сборника» за 2017 г.

Степанов с революционного линкора «Марат», ставший милиционером и любимцем детворы.

Спустя пятьдесят лет после Великого Октября, когда все страсти давно улеглись, революционные матросы в отечественной поэзии перестали быть Христами и мессиями, посланцами ада и пьяными садистами. Они становятся наконец обычными людьми. Именно такими предстают перед нами военморы революции в стихотворении молодого поэта Павла Баулина «Матросы крейсера «Аврора», написанного в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции.

И встанут,
Гордые, как горы,
Смахнув с бушлатов пыль
Легенд,
Матросы крейсера «Авроры»,
Матросы – вестники побед.

Они взойдут в октябрьский вечер
На берег,
Вкованный в гранит.
И над странкою невский ветер
Упрямой песней прозвенит.

Матросы крейсера «Авроры»,
Они пройдут,
Чеканя шаг,
И ярче, чище вспыхнут зори
На всех материках!

Сквозь все военные парады,
Как самый первый наш парад,
Они пройдут
Не славы ради
Из Петрограда в Ленинград.

Штыки, горящие тревогой,
И взгляды,
Полные добра, –
Они шагали той дорогой,
Которой Родина прошла.

И в перекрестье тысяч взоров
Под звездный,
праздничный салют
Матросы крейсера «Авроры»
по Красной площади пройдут.

И если в первой строчке стихотворения в образе матросов еще угадывается отголосок былых обожествлений («гордые, как горы»), то тут же, «смахнув с бушлатов пыль легенд», как самые обычные люди, и «с взглядами, полными добра», они теперь просто шагают той дорогой, которой идет их Родина. А дорога в 1967 году, естественно, ведет их на парад на Красную площадь, где ветеранов революции ждет заслуженная награда – благодарность потомков и «звездный, праздничный салют». Да, о матросах-ветеранах еще помнят и даже чтут их, но они, увы, уже далекое прошлое.

А еще три года спустя, в 1970 году, в стихотворении М.Матусовского революционные матросы и вовсе оказываются всего лишь фрагментом сновидения спящего крейсера «Аврора». Патрули в черных бушлатах давно растворились в небытии, и теперь о них вспоминает в своих предутренних снах разве что старый крейсер.

Дремлет притихший северный
город,
Низкое небо над головой...
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда солнце встает над
Невой?

Может, ты снова в тучах мохнатых
Вспышки орудий видишь вдали
Или, как прежде, в черных бушлатах
Грозно шагают твои патрули?

.....
Ветром соленым дышат просторы,
Молнии крестят мрак грозовой...
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встает над Невой?

Но память о «бунтарях в тельняшках» не канула в Лету. Она просто ждала своего часа. Развал СССР и грандиознейшие социальные потрясения, выпавшие на долю нашего народа в 90-е годы XX века, почти мгновенно реанимировали уже изрядно подзабытый и потускневший образ матросов революции. Причем вытащена на свет божий была имен-

но матросская особенность противостоять любой существующей власти. Матросов снова пытались сделать символом сопротивления всем и всему. Именно в 90-х годах XX века поэтом В.Платоненко был создан своего рода шедевр – «Марш революционных матросов-анархистов». Автор достаточно точно передал атмосферу Гражданской войны и менталитет матросов, сражавшихся под черным знаменем анархии. При этом надо понимать, что автор вовсе не обращен в прошлое, а пишет о нашем настоящем и будущем. Прибегая к образам матросов-анархистов, В.Платоненко в реальности призывает к новому бунту за «вольный революционный строй».

В поле рожь не сжата, есть патрон
на брата
Да по три гранаты, да еще штыки.
И идут навстречу, развернувши
плечи,
Вот уж недалече ихние полки.

Их солдаты бравы, их идеи правы.
Им за честь и славу рваться с нами
в бой...
Не дрожи, колено! Наше дело лево.
Мы за вольный революционный
строй!

Наша правда – с нами.
Вьется наше знамя.
Что нас ждет, не знаем,
но не побежим.
В нас, братишки, – сила.
Как бы ни штормило,
Есть патрон на рыло, значит,
можно жить!

А над полем боя небо голубое,
А над полем воют пули у виска.
А к концу сраженья выдохнется
день, и
Ночь укроет тенью павшие войска.

В поле рожь не сжата.
Есть патрон на брата
Да еще гранаты, да еще штыки...
Кто сорвать захочет знамя
цвета ночи,
Тот рискует очень не сберечь башки.

А вот еще один образчик периода 90-х – стихотворение нашего современника А.Дмитриева «Революция»:

...Опустела усадьба, и плачущий
клин
Уж давно к берегам двинул
Турции...
Антикварными стульями кормит
камин
Полупьяный матрос революции...

Здесь перед нами явное неприятие всего новореволюционного. Тут и опустевшая усадьба, и плачущая цветаевская «белая стая», клином подавшаяся в чужие края. Что касается матроса, то он у А.Дмитриева – откровенное быдло. Мало того, что полупьян, так еще и топит барский камин антикварной (а следовательно, очень и очень дорогой!) мебелью.

А вот «Песня революционнейших матросов» наших дней поэта Г.Родственникова. Перед нами все та же старая тема, воспевающая матроса-анархиста, которому нет большой разницы, в кого разряжать свой шпалер-маузер. Разумеется, данное стихотворение всего лишь стилизация, но стилизация весьма современная:

Качалась лодочка, качалась на
море,
Катался в лодочке матрос
с мадамою.
Пой песню звонкую, пей пиво
пенное,
Будет жизнь у нас обалденная.

Не беги, буржуй, кровопийца, жлоб,
Мы тебя сейчас упакуем в гроб.
Это кто идет? Комиссарище? –
Упакуем в гроб мы товарища.
Ну, а это кто? Белый офицер?
Гроб отыщется под его размер.

Внук Бакунина – Сын
Кропоткина:
Анархисты мы, корень в глотку
вам.
Ни материей, ни идеей
Наводи порядок в империи,
Мужика учи уму-разуму,
А потом, братва, мы попразднуем...

Что же мы видим? А видим то, что в эпоху глобальных перемен 90-х годов, казалось бы совершенно неожиданно, произошла актуализация матросской революционной темы в поэзии, произошел этакий «матросский ренессанс». Причем новые поэты не выдумывают ничего нового, а идут строго в фарватере настроений поэтов начала XX века. Согласитесь, что призыв к матросам В.Платоненко: «Не дрожи, колено! Наше дело лево. Мы за вольный революционный строй!» – это не что иное, как парафраз «Левого марша» В.Маяковского. «Матрос с мадамою» Г.Родственникова весьма близок по своему духу и блоковскому матросу-мессии, и героям «Пирушки» М.Светлова, приправленный мотивами старого матросского «Яблочка». Ну, а в «полупьяном матросе революции» А.Дмитриева явно угадываются знакомые черты матроса-мародера М.Волошина. Что же произошло? Неужели круг замкнулся?

Подводя черту под нашим небольшим экскурсом в антологию матросской революционной поэзии, следует признать, что в целом матросы революции оказали огромное влияние на направленность российской поэзии своего времени. Практически все видные поэты начала XX века отдали поэтическую дань матросам, обогатив отечественную литературу как минимум несколькими произведениями на эту тему. Синусоида матросской революционной поэзии то возносила и обожествляла главных героев революции, то, наоборот, низвергала их вниз, как исчадие ада. Во многом такое отношение являлось следствием того, где и когда сочиняли свои стихотворения поэты. Если процесс написания происходил в «красном Петрограде», – перед нами появлялся один матрос, а если в занятом белогвардейцами Крыму, – то совершенно другой. Помимо этого направленность стихотворений о роли матросов в революции отразила и все политические коллизии того времени. Здесь и неоправданная жестокость матросских масс в феврале 1917 года, и переход матросов на платформу большевиков к осени 1917,

а затем отход от них под влиянием левоэсеровских и анархических идей в начале 1918 года. И, наконец, новый приход в лагерь большевиков наиболее сознательных матросских представителей в 1919–1920 годах.

Но, невзирая на кровавость и жестокость, невзирая на все свои метания, матросы остались в народной памяти как почти эпические герои, бескомпромиссные борцы за полную свободу от любой власти. Именно поэтому к теме революционных матросов отечественные поэты возвращались и десятилетия спустя, все более и более легендируя реальных матросов. В определенном смысле это уже была просто дань старой традиции.

Однако стоило России вступить в полосу социальных потрясений конца XX века, как изрядно подзабытые образы матросов революции снова оказались востребованы обществом. При этом, если одни поэты начали воспевать прежде всего бескомпромиссную верность матросов левым идеям, как пример для подражания своим современникам, то другие тут же начали развенчивать матросов революции, являя нам в своих произведениях пьяниц, грабителей и убийц, чтобы таким образом свести на нет матросскую героику. Все это означает, что в эпоху перемен образы матросов как авангарда и локомотива всех российских революций, вечных борцов с угнетателями вновь стали востребованы определенными слоями общества. Уверен, что отныне и до веку так будет всегда. И если в годы гражданского мира в России о матросах революции будут на время забывать, то в периоды очередных социальных потрясений грядущие поколения отечественных поэтов снова и снова будут обращаться к мессианско-демоническому образу Матроса с красным бантом на бушлате и черным маузером в руке. Именно поэтому огромный и сложный пласт революционной матросской поэзии открывает широкий простор для будущей исследовательской деятельности как литературоведов, так и историков революции.

В.Шигин